

мыми или даже несоотвѣтствующими дѣйствительности, но это нимало не отнимаетъ у книжки ея выдающихся достоинствъ въ широкой освѣдомленности, въ умѣнни освѣтить съ одной общей точки зрѣнія такой сложный и требующій всесторонняго изученія предметъ, какъ церковное управленіе. А среди множества газетныхъ кривотолковъ и издѣвательствъ надъ современнымъ строемъ, намъ кажется, книжка эта можетъ указать правильный путь въ рѣшеніи многихъ церковныхъ вопросовъ (о приходской жизни, о благотворительскихъ собраніяхъ, епархіальныхъ съѣздахъ и проч.) и даже быть руководящимъ началомъ въ новой, только еще начинающей зародиться, жизни.

Церковная жизнь въ другихъ епархіяхъ.

Панихида по павшимъ воинамъ.

23 мая въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ, въ Петербургѣ была отслужена панихида по павшимъ воинамъ.

На панихиду вышли высокопреосвященнѣйшій Антоній митрополитъ с.-петербургскій и ладжскій, высокопреосвященный Гурій архіепископъ новгородскій и старорусскій, преосвященные Веніаминъ епископъ калужскій и боровскій, Дмитрій епископъ гурійско-мингрельскій, Климентъ епископъ винницкій, Антонинъ епископъ нарвскій, Кирилль епископъ гдовскій и представители столичныхъ соборовъ и церквей; пѣли исаакіевскіе пѣвчіе.

На панихиду собрались придворныя дамы, всѣ особы, ко Двору пріѣздъ имѣющіе, а также генералы и адмиралы, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота. Соборъ переполнили родственники и родственницы погибшихъ въ послѣднихъ бояхъ. Все говорило о траурѣ. («С.-Петербург. Вѣд.»).

Походная церковь и священникъ—доброволецъ.

О. Елевѣерій Макаренко жилъ въ одномъ изъ самыхъ забытыхъ и бѣдныхъ селъ Барнаульскаго уѣзда. Приходъ былъ убогій и Макаренко, вѣрно, приходилось, какъ любому его сосѣду—мужику такъ же въ потѣ лица обрабатывать

землю, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ духовныхъ сыновей, ни наружностью, ни приемами. Когда началась война, какъ они ни были сами несчастны, заброшены, забиты, а рѣшили послужить Божьему дѣлу, собрать и отправить въ Манчжурію походную церковь. Вся она помѣстилась въ одномъ возу и обошлась недорого, потому что до послѣдней мелочи сдѣлана о. Елевѣеріемъ, который въ этомъ возу и самъ пріѣхалъ, правя лохматой сибирской лошадежкой, настоящимъ мухортикомъ, несмотря на всю свою непредставительность, одолѣвшую не одну тысячу верстъ. Когда эту церковь собрали и поставили, сосѣди изъ „Краснаго Креста“ изумились, — до того она была удобна, изящна...

— Кто это вамъ вырѣзалъ?

— Я и моя семья.

— А рисовалъ?

— Мы же... Чтожъ тутъ...

— Да вѣдь это художественная работа... Особенно образа!..

— Извините... Какъ сумѣлъ...

Съ этого времени началось боевое подвижничество этого въ полномъ смыслѣ слова человѣка на войнѣ. Онъ былъ неотдѣлимъ отъ своей церковки, и гдѣ видѣли о. Елевѣерія тамъ непременно оказывалась и она. Самъ ее соберетъ, сложитъ на тотъ-же возъ, запряжетъ того же мухортика, и поѣдетъ съ нею, куда нужно. А такъ какъ Макаренко, кромѣ передовыхъ позицій, другихъ не зналъ, то и самодѣльный храмикъ его позади не оставался. Гдѣ люди падали подъ непріятельскими пулями, кровью исходили отъ усталости, умирали сотнями, тысячами, — тамъ же, въ самомъ пеклѣ, какъ часовой на своемъ мѣстѣ, непременно пребывалъ и о. Елевѣерій. Замолкнетъ бой, онъ начинаетъ свою службу какъ священникъ предъ алтаремъ. Начнется, идетъ въ цѣпь какъ санитаръ, фельдшеръ и иной разъ, какъ докторъ. Должно быть, у себя, въ сибирской глуши, желая быть полезнымъ темному люду, онъ обучился многому, и это мно-

ое умѣлъ быстро, кстати прикидывать къ дѣлу... Какъ бы при больномъ и раненомъ ни была черна и грязна работа, онъ самъ, непрошенный и незванный шелъ на нее и не успокаивался, пока не приводилъ ее къ концу. Устали на него не было. Не доѣстъ, не допьетъ, а непременно окажется тамъ, гдѣ всего тяжелѣе и невыносимѣе людямъ, и при этомъ все онъ обставлялъ такъ, что его личность была какъ-то незамѣтна. Точно онъ весь до тла расходился въ самомъ дѣлѣ, пропадалъ въ немъ... Куда онъ ни являлся, вездѣ оказывался крайне необходимымъ, и не только необходимымъ, но и незамѣнимымъ. „Нѣтъ, на мѣсто батюшки некого поставить,“ говорили солдаты. Въ двѣ руки, а за десятки работаетъ. Никому за нимъ не угнаться. И при этомъ ни натуги въ лицѣ, ни раздраженія. Нѣтъ этого: „ахъ, оставьте меня, пожалуйста; видите, я дѣло дѣлаю.“ Въ самой кипени дастъ отвѣтъ, объяснитъ, что надо, оторвется къ другой нуждѣ, исполнитъ ее, и опять доканчиваетъ свое... Однажды отрядъ Самсонова стоялъ тамъ, гдѣ одна только и была вода-соленая. О. Елевѳерій ухитрился все время возить прѣсную воду изъ-подъ Дашичао... По ночамъ доставляли транспорты съ ранеными,—послѣ цѣлаго дня возни съ такими же, о. Елевѳерій тутъ какъ тутъ. Подоткнетъ рясу, точно баба подоль, и моетъ полы въ перевязочной.

— Батюшка, идите, отдохните...

— Нельзя... Чистота нужна. Особенно здѣсь. Раны-то открывать будутъ.

— Да вы устали.

— Въ могилѣ выспимся. Долго спать будемъ.

— Да зачѣмъ вы сами это?

— Всѣ измучились... А я видѣть грязи не могу... Веселый, разговорчивый, особенно съ солдатами, и тѣ его съ перваго слова понимали.

— Какой ты отецъ? говорилъ ему одинъ такой.—Ты настоящая мать... Только мать такъ сына жалѣетъ... («Пенз. Еп. Вѣд.»).